

ОН ИСКАЛ СЕРИЙНОГО УБИЙЦУ.
ОН НАШЁЛ СОБСТВЕННОЕ ПРОШЛОЕ.

THE
GARDEN
BEAUTY. OBEDIENCE.
FOREVER.

庭園
商品リスト

В ГОРОДЕ,
ГДЕ СТРАХ — ЧАСТЬ ПЕЙЗАЖА,
ОН РАСПУТЫВАЕТ СЛЕДЫ,
КОТОРЫЕ ВЕДУТ
НЕ ТОЛЬКО К УБИЙЦЕ,
НО И К ПРАВДЕ,
КОТОРУЮ ОН ХОТЕЛ
ЗАБЫТЬ.

ГОРОД ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

КЕЙСИ ДЖО УЭДДС

Кейси Уэллс

Канмори.Город потерянных душ

<https://litres.ru/73916164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он искал серийного убийцу. Он нашёл собственное прошлое.

В портовом городе Канмори, где страх стал частью пейзажа, пропадают девушки. На месте исчезновений — не следы борьбы, а изысканные послания: фарфоровые куклы, ключи, запах увядшего жасмина. Это почерк «Сада» - беспощадной корпорации, превращающей девушек в "живой товар" для богатых клиентов.

Следователь-криминалист Рюдзи Кагэяма, сам изгнанный в эту глушь, знает — за этими преступлениями стоит система, а не маньяк.

Расследование становится личным делом.

Каждая улика, каждый намёк ведут не просто к убийце, а к призраку его собственной жизни — к брату, исчезнувшему много лет назад. Но чтобы добраться до истины, Рюдзи придётся спуститься в самый тёмный угол своей памяти. И задать себе вопрос: что страшнее — чудовище, которое ты преследуешь, или то, что ты можешь найти в самом себе?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кейси Джо Уэллс Канмори. Город потерянных душ

Пролог

Первой пропала Канако Асано. Владелица маленького магазинчика «Уют». Утром она не вышла на работу. Дверь была заперта, когда её вскрыли, внутри все вещи лежали на своих местах с пугающей геометрической точностью. Ни признаков борьбы. Словно она просто испарилась.

КАНМОРИ

ГОРОД ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В **КАНМОРИ**

Портовый город в Японии, где современность соседствует с традициями, а за сияющими огнями скрываются чужие тайны и забытые грехи.

神守市へようこそ

Через день на пустынной прибрежной дороге нашли её туфлю. Белую туфлю-«**цукури-гэта**»— парадную, из тех, что носят с кимоно. Аккуратно поставленную у самого края асфальта. Туфля была кристально чистой, без единой соринки, словно её только что достали из коробки, а не нашли на пыльной дороге. Рядом не было ни грязи, ни следов.

Это выглядело так неестественно, что даже у полиции по коже пробежал мороз. Полиция списала всё на добровольный уход, но город не поверил.

В витрине «**Уюта**» пылились неубранные товары, а Канако не была человеком, способным бросить свое детище. *Страх начал вызревать тихо, как плесень.*

Позже выяснилось, что месяцем ранее пропала вторая, **Эмико Юри**, фармацевт. Её видели живой вечером на том же шоссе, в сотне метров от места, где нашли туфлю, лежал её **белый платок**. Безукоризненно отглаженный, он казался инородным пятном на грязном асфальте. Его не бросили, его положили на обочину, будто на алтарь. И город понял: *это не случайность, это — почерк.*

Третьей стала студентка. На пороге её общежития не было ни туфель, ни платков.

Там сидела кукла. **Хина-нингё**— та самая, что должна оберегать детей, стоя на полке в празднично украшенной комнате. Но здесь, на пороге общежития, её роскошное кимоно и фарфоровое лицо казались зловещим абсурдом. Те-

перь все знали — это серия.

И тот, кто это делает, только начал.

Глава 1

БРАТЯ КАГЭЯМА

ИХ РАЗДЕЛИЛО ПРОШЛОЕ.
НО СВЯЗЫВАЕТ ОДНА **ТАЙНА.**

РЮДЗИ КАГЭЯМА

Поезд из Токио прибыл в **Канмори** поздним вечером. Вагон был почти пуст. Рюдзи Кагэяма задержался у двери, наблюдая, как несколько пассажиров неохотно выходят на промозглый перрон.

Первый же глоток воздуха обжег легкие.

Этот портовый городок пах не просто морем. Он пах ржавчиной, гниющими водорослями и чем-то старым, затхлым — словно сам *Канмори* был живым существом, медленно разлагающимся у кромки воды.

Высокий, в темном плаще, он приковывал к себе взгляды и тут же заставлял людей отводить глаза. Его внешность была слишком яркой для этого унылого места. Чёрные волосы, уложенные с безупречной геометрией, резкие, будто высеченные черты — и всё это перечёркивал взгляд. Тёмные, почти чёрные глаза, в которых читалось лишь ледяное спокойствие и усталость. Слишком много усталости для человека, которому не было и тридцати пяти. Он плотнее натянул воротник и двинулся в сторону гостиницы.

Его прислали сюда под предлогом «консультации» по делу об исчезновениях. Настоящая же причина была иной. В Токио он перешел дорогу слишком важным людям, добывая улики для старого дела. Эта «командировка» в Канмори была не повышением, а изгнанием. Последним шансом исправить репутацию.

Гостиница «**Ёкканъити**» оказалась такой же, как и все

здесь: выцветшая, пропахшая сыростью и старостью. Хозяйка, молчаливая женщина с усталым лицом, отвела ему номер и удалилась, не задав ни единого вопроса. Комната была крошечной. Рюдзи бросил сумку на соломенную татами и прислушался. Тишина, густая, звенящая, такая, что отзывалась в висках. Он подошел к окну, за стеклом, залитым дождем, темнели огни порта Канмори. Где-то там гудел корабельный гудок — протяжно и тоскливо, как предсмертный стон. Он уже направился к двери, чтобы идти в участок, и тут же замер.

У самого порога лежал *белый конверт*. Без марки. Без подписи. Кто-то прошел мимо бдительной хозяйки и сунул его прямо в номер. Рюдзи медленно поднял конверт, внутри был ключ: старый, тяжелый, почерневший от времени. И на его рукоятке был вырезан узор - *стилизованный цветок*.

Кровь отхлынула от его лица, он узнал этот узор. *Тот самый, что он видел много лет назад на рукоятке ножа, в деле о пропаже брата - деле, о котором поклялся забыть.*

Глава 2

Утро в участке встретило его сдавленным гулом — не работой, а предсмертным хрипом заведения, захлебнувшегося собственным бессилием.

Воздух, густой от испарений дешевого кофе и пыли, впитывал отголоски раздраженных голосов, треск принтеров, выдающих пустые отчеты, и приглушённый стук клавиш, выдающих отчаяние по установленной форме.

Молодой офицер за стойкой, с лицом человека, застрявшего между страхом и скукой, встрепенулся, услышав его фамилию. — Кагэяма-сан? Из Токио? — Глаза юноши расширились, выдав смесь надежды и трепета. — Сию минуту доложу заместителю начальника Сайто-кебу!

Рюдзи кивнул, мысленно отмечая иерархию. Значит, настоящий хозяин кабинета, Ишикава, предпочитал держаться в тени. Любопытство кристаллизовалось, наполняя пространство густым электричеством, как после грозы.

Сайто, мужчина с лицом из гранита хронического недомогательства, жестом, не терпящим возражений, указал на стул. Его пальцы сжимали дешевую ручку так, будто это был единственный символ власти в его руках. — Итак, столичное светило... — его голос был похож на скрип несмазанной двери. — Признаться, я не думал, что Ишикаве удастся выцарапать для нас такую... экзотическую помощь.

«Ишикава выцарапал?» — мысленно переспросил себя Рюдзи. В Токио ему настойчиво внушали, что это «инициатива сверху». Первая, едва заметная трещина в официальной версии. — Меня присылают, когда шаблоны уже не работают, — парировал Рюдзи, занимая предложенное место.

Его осанка, прямая и безразличная, была вызовом убогой обстановке. — Здесь всё выходит за его рамки, Кагэяма — Сайто с силой подтолкнул к нему тонкую папку, будто от нее исходил трупный дух. — Три дела. Три девушки. Одна пустота. Официально — первой числится Асано, это послед-

няя и самая громкая, но студентка Исида пропала ещё месяца три назад. Её списали на побег из общаги, пока не появилась Асано — никто и ухом не повёл. А между ними — Юри, фармацевт. Но город в курсе только про Асано. А в целом — ни зацепок, ни свидетелей. Город шепчется, а мы... — его плечи бессильно опустились, — ...мы пишем бумаги, чтобы отчитаться перед префектурой. Ишикава-сёбу ждет результатов, но... — Фраза повисла в воздухе, не требуя окончания: «Но мы обречены на провал».

Рюдзи открыл папку. На него смотрели застывшие улыбки. **Канако Асано** — застигнутая врасплох объективом у своего прилавка. **Эмико Юри** — залитая смехом в белоснежном халате. **Саюри Исида** — погруженная в мысли, обнявшая стопку учебников. Он перелистывал страницы, его взгляд, отточенный как скальпель, выхватывал не факты, а пустоты между ними. Пропущенные вопросы. Слишком идеальная чистота.

— Ясно, — тихо произнес он, захлопывая папку.

— И? — в голосе Сайто прозвучала вспышка надежды, тут же задавленная усталой гримасой

— Вы искали очевидное. Общих друзей, маршруты...

— И не нашли ничего. Они были из разных социальных слоев.

— Именно. Это не спонтанная жестокость. Это отбор. Тщательный и точный. — Рюдзи поднял глаза на Сайто. — И он настолько уверен в своей безнаказанности, что остав-

ляет... подсказки. Туфлю. Платок. Куклу. Это не улики, это часть диалога с нами или... — его взгляд стал тяжелым и пронзительным, — ...с кем-то еще.

В этот миг дверь распахнулась без предупреждения. В проеме стояла она: невысокая, с прямой спиной, в форме, сидевшей на ней как вторая кожа, волосы, черные как смоль, были убраны в тугий пучок — не просто прическа, а доспехи. Её взгляд, темный и не моргнувший, скользнул по Сайто и устоялся на Рюдзи, в нем не было ни капли лоботыства, лишь холодный, безжалостный анализ.

— Офицер Ито, — отрезала она, слегка склонив голову.
— **Наоми Ито**. Мне поручено сопровождать вас.

Сайто, будто увидев спасительный выход, мотнул головой в ее сторону.

— Да-да. Офицер Ито ваш проводник, знает каждый переулок.

Наоми повернулась к Рюдзи, ее подбородок был чуть приподнят. — Добро пожаловать в Канмори, Кагэяма-сан. Я знакома с вашим послужным списком, надеюсь, вам удастся разглядеть то, что ускользнуло от нас. — В ее словах не было лести, лишь суровая констатация факта и скрытый вызов.

— Взаимно, — так же сухо парировал Рюдзи.

И тут же из-за ее спины, будто возникая из самой тени, раздался новый голос — обволакивающий, с бархатной насмешкой в каждом звуке.

— А вот и кульминация! Надеюсь, я не прервал?

В дверном проеме, небрежно прислонившись к косяку, стоял мужчина. Его тренч, дорогой, но лишенный кричащего лейбла, сидел безупречно. В ухоженных пальцах покоился бумажный стаканчик. Во всей его позе, в легкой, заговорщицкой улыбке читалась непоколебимая уверенность актера, вышедшего на сцену в нужный момент.

— *Кирио Кенто*, — представился он, обращаясь ко всем, но не сводя глаз с Рюдзи. — Смиранный летописец здешних драм. Не стесняйтесь, я весь — внимание.

— Он отпил глоток, и его взгляд, теплый и пронзительный, будто говорил: «я знаю вашу тайну еще до того, как вы ее сами осознаете».

«Журналист, значит...» — по спине Рюдзи пробежал холодок. Не страх, узнавание, как у охотника, учувшего на своей тропе другого хищника.

Рюдзи вышел из кабинета Сайто, оставив за спиной гулкое эхо унижительной встречи. В кармане он сжимал ключ от временного кабинета — крошечную, липкую от пыли комнатную где-то на втором этаже, под самой крышей. Очевидное послание: «Ты здесь никто».

Он уже сделал несколько шагов по пустынному коридору, как его окликнул дежурный офицер Ватанабэ, который мигом повёл Рюдзи куда - то вглубь участка.

— А вот и наша жемчужина, Кагэяма-сан! — Он с размахом распахнул дверь в комнату, больше похожую на заброшенную кладовку. Воздух густо пах нафталином и ста-

рой бумагой.

— Криминалистическая лаборатория «**Чёрный Ворон**»! Неформально, конечно, — он подмигнул. В центре комнаты, под стеклянным колпаком, покрытым пылью и разводами, восседало чучело огромного ворона. Одна стеклянная глазина была выщерблена, придавая птице вид разочарованно муляжа. — Убийца-ритуалист, пять лет назад, — сержант снизил голос до конспирологического шёпота. — Использовал перья в своих тёмных делах. Мы его взяли! А чучело... оставили для вдохновения и для устрашения нечисти! Рюдзи молча созерцал сию апокалиптическую диораму.

— И... это работает? — спросил он на выдохе. — Ещё как! — Ватанабэ оживился, заламывая руки. — В прошлом месяце по делу о краже велосипедов мы нашли на месте преступления перо! Настоящее перо! Правда, — его энтузиазм чуть поугас, — анализ показал, что оно от голубя... И сам велик стоял в кустах через дорогу, владелец просто забыл, где припарковался. Но атмосфера! Атмосфера работала на все сто! Преступник, я уверен, почувствовал нашу мощь и сдался бы, если бы мы его нашли.

Позже, за чаем, Наоми мрачно заметила, понизив голос: — Не обращайтесь внимания. Ватанабэ свято верит, что ворон — проводник в потусторонний мир и наш главный криминалистический актив. Он даже пытался научить его выдёргивать клювом нужные дела из архива.

— И как успехи? — не удержался Рюдзи.

— Ворон упал с полки. Теперь у него ещё и трещина в клюве, зато Ватанабэ верит, что это он «клюнул» дело о пропаже партии консервированных кальмаров, которое, кстати, тоже не раскрыли. — Она вздохнула. — Ещё он уверен, что, если положить в папку с отчётом бутерброд с тунцом, его утвердят быстрее.

— И это срабатывает?

— Нет, но наш холодильник — самая укомплектованная и просроченная часть участка, голодными вы точно не останетесь.

Закончив чай, Рюдзи направился к своей конуре под крышей. Он чувствовал себя не просто пониженным в должности.

сти, а попавшим в театр абсурда, где главный режиссёр — призрак, а ведущий актёр — мёртвая птица под стеклом, и тут он заметил, как одна из тёмных, лакированных дверей в конце коридора бесшумно отворилась...

Это был не Сайто. *Мужчина лет пятидесяти, в безупречно сидящем тёмном костюме, без пиджака. Рубашка и галстук были строгими, но без намёка на полицейскую униформу. Его лицо, скуластое и спокойное, напоминало отполированную речную гальку — гладкую, но твёрдую. Волосы с проседью были коротко и практично стрижены. Он не улыбался, но его взгляд, тяжёлый и всевидящий, был куда выразительнее любой улыбки. Он молча стоял, заложив руки за спину, и наблюдал. Не за участком в целом, а конкретно за Рюдзи. Словно ждал, когда тот выйдет. Рюдзи замедлил шаг.*

Его внутренний радар, настроенный на иерархию и власть, зашёлся тревожной дрожью. «Настоящий хозяин кабинета». — Кагэяма-сан, — голос мужчины был негромким, но обладал странным свойством заглушать все остальные звуки в коридоре. Он не был похож на скрип Сайто; это был ровный, глубокий тембр, в котором чувствовалась сталь.

— Добро пожаловать в Канмори. Он не представился. В этом не было нужды. — Надеюсь, наша скромная команда не разочарует столичного эксперта.

— Голос был ледяным, прямо как его обещание: «Я за тобой наблюдаю». Рюдзи ответил сдержанным кивком, равным

по степени вежливости и холодности.

— Я здесь, чтобы работать, Ишикава-кебу. Уголок губ Ишикавы дрогнул на миллиметр — не улыбка, а скорее признание, что Рюдзи правильно идентифицировал цель.

— Работайте, — просто сказал Ишикава. — И, Кагэяма-сан? — Он сделал паузу, давая словам обрести нужный вес. — Не разочаруйте меня. В Токио о вас... *противоречивые отзывы*, мне интересно, какая из сторон вашей природы проявится здесь.

С этими словами он так же бесшумно отступил вглубь своего кабинета, и дверь закрылась, не издав ни звука.

Тишина.

После ухода Кагэямы она обрушилась на кабинет Ишикавы тяжёлым, звенящим грузом. Воздух, казалось, всё ещё вибрировал от присутствия того человека, Ишикава медленно разжал пальцы, лежавшие на стол, на ладонях остались красные следы от ногтей. Он подошёл к сейфу, встроенному в стену за портретом отца-основателя участка. Щелчок кода, внутри, в стороне от официальных папок, лежал неприметный картонный конверт - без марки, без обратного адреса, доставлен накануне с оказией из Токио. Ишикава вскрыл его ножом для бумаг. Из конверта пахнуло холодом чужого мегаполиса и чем-то ещё — едва уловимым запахом формальдегида и старой крови. На первой странице, отпечатанной на плотной бумаге, стояло всего три иероглифа:

«Сибитэ». Призрак.

Ни звания, ни послужного списка, только хроника, летопись теней, пойманных на месте преступления.

ДЕЛО 1: «ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА»

Элитный отель «Гиндза Тауэр». Номер на 42-м этаже. Дело предпринимателя Кэндзи Танака. Один точный удар тонким лезвием в сердце. Ни следов борьбы, ни чужих отпечатков. Камеры показывают: в номер за полчаса до убийства вошёл только он сам. Тот же костюм, та же причёска, те же черты лица. Следствие билось неделю, строя теории о двойниках и гипнозе. Кагэяма, тогда ещё младший инспектор, пришёл в отель на следующий день, он не стал смотреть записи, он попросил журнал регистрации и список постоянных клиентов. «Он не моргнул», — сказал Кагэяма позже на допросе, глядя на задержанного. Все смотрели на него непонимающе. Кагэяма объяснил: человек на записи не моргнул ни разу за все три минуты в поле зрения камер. Ни единого раза. Он изучил биографию Танака и нашёл в частной психиатрической лечебнице «Сэйва» его брата-близнеца, Масару, которого семья скрывала с юности после неудачной попытки суицида. Тот не был двойником, он был оригиналом, пришедшим забрать жизнь, которую у него украли, он годами тренировался в палате — ходить, говорить, улыбаться, как брат, и забыл научиться моргать естественно.

ДЕЛО 2: «ЗЕРКАЛЬНЫЙ ОБМАН»

Пансионат «Сад Вечного Цветения» для пожилых.
Смерть 84-летней Юкио Надо, последней наследницы состо-

нения клана Надо. Официальное заключение — естественная смерть от старости. Ни следов яда, ни признаков насилия. Родственники настаивали на убийстве. Кагэяма отпросился в пансионат на ночь «для наблюдения». Он не опрашивал персонал, он сидел в кресле в холле и смотрел. На вторую ночь он подошёл к главному врачу. «Эти зеркала, — сказал Кагэяма, указывая на стены. — Они все кривые». Во всех комнатах и коридорах висели специально подобранные вогнутые зеркала, незаметно искажавшие отражение, они делали лица стариков более осунувшимися, кожу — более морщинистой. Старушку Надо не травили и не душили, её медленно, методично, день за днём убеждали в том, что она умирает. Психолог заведения, подкупленный алчным племянником, использовал «зеркальную терапию» наоборот — как инструмент убийства, растянутого во времени.

ДЕЛО 3: «ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ»

Научно-исследовательский институт «Кайдзэн». Лаборатория квантовой физики. Смерть доктора Хироши Накамуры. На столе — чертежи теоретической модели «вечного двигателя». Предварительная причина — сердечный приступ от переутомления. Кагэяма приехал на вызов с бригадой, пока все восхищались гениальными расчётами, он подошёл к раковине и поднял чашку с остатками кофе. «Отвезите это на токсикологию», — попросил он лаборанта. Анализ показал следы редкого радиоактивного изотопа, который добавляли в кофе учёного микродозами на протяжении восьми

месяцев. Его ассистент, влюблённый в идею «вечного двигателя», не хотел смерти Накамуры, он хотел, чтобы тот успел закончить работу, он рассчитал дозу так, чтобы сердце гения остановилось ровно через час после того, как будет выведена финальная формула. Убийца плакал на допросе, говоря, что «не мог позволить великому открытию умереть вместе с человеком».

Ишикава откинулся на спинку кресла. В ушах стоял нарастающий гул, он смотрел на эти четыре истории и видел не раскрытые дела, а опасность. Метод Кагэямы был слишком точен, слишком безжалостен, такой человек не ломается о систему, он либо сжигает её, либо...

...либо его сжигают.

Он перевернул последнюю страницу, под всеми гениальными делами лежала тонкая справка — выписка из приказа о переводе. Без эмоций, только факты.

«Инцидент в особняке Фудзимора». (удалено из личного дела)

Дело о самоубийстве дочери крупного девелопера. Все улики указывали на суицид, все, кроме Кагэямы. Он провёл собственное расследование, нашёл свидетеля, которого запугали, нашёл поддельные заключения и выяснил, что дочь убили собственные родители — она собиралась свидетельствовать против отца по делу о коррупции. Но Кагэяма не пошёл с этим в суд, он пришёл в особняк Фудзимора ночью. Один. И показал им всё, что нашёл. Не как следователь — как судья. Он положил на стол перед ними фотографии, показания, улики и дал им выбор: либо они сознаются сами,

либо он обнаруживает не только это дело, но и все остальные их грехи, которые успел раскопать за одну ночь. Они сдались. Наутро Фудзимора и его жена были арестованы, а Кагэяму вызвали на ковёр.

Ишикава откинулся в кресле. Пепел от конверта ещё тлел в металлической пепельнице, наполняя кабинет горьким запахом сожжённой тайны. Он снова перечитал выписку о переводе. Сухие строчки, лишённые эмоций: «...в связи с необходимостью усиления регионального отдела и учета профессиональной специфики...» Ни слова о «Фудзимора», ни слова о самоуправстве, только безупречный, отполированный до блеска бюрократический язык.

«Вы — представитель полиции, Кагэяма. А не судья.»

Эти слова, сказанные ему на том самом «ковре», вероятно, звучали как приговор, но приговором оказалась не тюрьма и не увольнение. Это была ссылка в Канмори, в это болото, где расследования тонули в бумагах и равнодушии.

«Почему его не уволили?»

Вопрос висел в воздухе, тяжёлый и неудобный. Если бы Кагэяма был просто строптивым офицером, его бы списали, если бы он был опасным смутьяном — нашли бы способ закрыть ему рот навсегда. Но его прислали, сохранив звание, доступ, пусть и в глухой провинции. Значит, в Токио на него смотрят иначе, не как на проблему, которую нужно устранить, а как на актив, слишком сложный, чтобы держать в столице, но слишком результативный, чтобы списывать. Его не

сломали — значит, кому-то наверху он ещё полезен или... кого-то наверху он пугает настолько, что того устроил лишь такой исход: не расправа, но дистанция.

Инструмент можно использовать, им можно жертвовать — особенно если этот инструмент сам рвётся в бой, не спрашивая разрешения. *Кагэяму не уволили, потому что его можно послать туда, где обычные методы уже не работают, туда, где кто-то другой уже потерпел неудачу.*

Глава 3

Служебный автомобиль пах старым пластиком и остывшим табаком. Наоми вела его, почти не глядя на дорогу, ее руки помнили каждый поворот. Она резко свернула в узкий переулок, где тень от домов ложилась на асфальт сплошной синей полосой.

— Сайто вас на дух не переносит, — сказала она, глядя в лобовое стекло. — Ваш приезд для него — как печать «несостоятелен» на его послужном списке.

Рюдзи молча наблюдал за городом за окном. Сгорбленные спины, быстрые, скользкие взгляды, втянутые головы в воротники. Город был болен, и диагноз не требовал подтверждения.

— А Ишикава? Он вас выписал, как дорогое импортное лекарство. Интересно, от какой именно болезни, — сказала Наоми, глядя в лобовое стекло.

Рюдзи не ответил, он ловил в себе странное чувство. В Токио его списали со счетов, а здесь вдруг сделали «ценным кадром». Логика дала трещину, и из неё тянуло ледяным сквозняком, он почувствовал себя пешкой, которую переставили на чужой доске, не объясняя правил игры. Они вышли на рынок.

Воздух здесь был густым и тяжелым, пропитанным запахом свежей рыбы, специй и человеческого пота, но под этим

слоем живой жизни Рюдзи уловил другое — сладковатый, затхлый душок страха. Торговцы не зазывали покупателей, а молча стояли у своих прилавков, их глаза беспокойно бегали по толпе.

— **Эмико Юри** была второй — тихо сказала Наоми, оставившаяся у лавки со специями. — После студентки. Но для всех она стала «второй» только после того, как пропала Канако, её видели здесь в последний раз, она купила шафран и ушла в сторону порта.

Рюдзи кивнул, но его внимание уже привлек старик, тот сидел на перевернутом ящике из-под рыбы, не торговал, не двигался — просто присутствовал. Его лицо напоминало высушенную на солнце корягу, а глаза — два острых черных камня, впивающихся в реальность.

— **Хосино**, — тихо сказала Наоми. — Он все видит, и, в отличие от остальных, ему уже нечего бояться.

Рюдзи подошел и, не говоря ни слова, совершил глубокий, почтительный поклон. Глубже, чем того требовала простая вежливость, это было уважение не к должности, а к знанию. Старик медленно поднял на него взгляд. Молчание затянулось.

— Ищешь правду? — наконец произнес он. Его голос скрипел, как несмазанная дверь в заброшенном доме. — Она, как протухшая рыба, чем дольше лежит, тем невыносимее воняет. Ты готов к этому запаху?

— Я судмедэксперт, — ровно ответил Рюдзи. — К запаху

смерти привык. В глазах старика мелькнуло нечто — не уважение, а странная, усталая жалость.

— Девушка... фармацевт, — начал он, глядя куда-то сквозь Рюдзи. — Шла быстро. Оглядывалась. А с ней... — он сделал паузу, вглядываясь в толпу, будто пытаюсь снова увидеть тот вечер, — ...за ней плыл силуэт. Высокий. В дорогом, светлом пальто. Шаг у него был твёрдый, уверенный. Таким шагом ходят те, кто знает, что мир принадлежит им. Рюдзи замер. Каждый мускул его тела напрягся.

— Лицо? — спросил он, почти не дыша.

— Лица я не видел, но он нёс её сумочку, держал в левой руке на мизинце... — старик на секунду закрыл глаза, вспоминая, — **...кольцо. С тёмным, почти чёрным камнем.**

Знакомый ледяной ожог пробежал по спине Рюдзи. Тот же почерк, тот же невидимый человек. Уже третье подтверждение от независимых свидетелей.

— Почему... почему вы мне это говорите? — тихо спросил Рюдзи. — Все остальные молчат.

Хосино медленно, с трудом покачал головой. — Старость — это не мудрость, мальчик. Это — когда терять уже нечего. Ничего, кроме самого страха, а им... — он кивком очертил всю шумящую, суетливую площадь рынка, — ...им есть что терять. Дома. Семьи. Маленькие лавочки. И они правы, уходи отсюда, пока не стало поздно.

Рюдзи развернулся и пошёл прочь, не сказав больше ни слова, он чувствовал на своей спине тяжесть сотен глаз, и не

только с рынка. Где-то позади, в тени под навесом, стоял Кирио Кенто. Смотрел. На его губах играла та же неизменная, раздражающая улыбка.

— Он как тень, — прошипела Наоми, поравнявшись с ним. — Преисполненный самодовольства призрак.

— Мухи всегда слетаются на мёд, — коротко бросил Рюдзи, не оборачиваясь. — Или на падаль. Разницы они не видят.

Поздний вечер застал его в номере «Ёкканъити». На столе, под тусклым светом лампы, лежали фотографии трёх улыбающихся девушек, и рядом с ними — холодный, тяжёлый ключ с таинственным цветком. Рюдзи взял его в руку. Металл, вобравший в себя холод ночи, болезненно жёг ладонь. **«Я рядом, брат», — промелькнуло у него в голове.**

Глава 4

Дождь начался внезапно, как и всё в этом городе — без предупреждения.

Косые струи хлестали по крышам машин, превращая улицы в мутные потоки. Наоми свернула к порту, к тому месту, где нашли куклу.

— Местные уже прозвали это место «**Берегом кукол**», — сказала она, заглушая двигатель. В её голосе сквозь официальный тон пробивалась трещина.

— Рыбаки наткнулись на неё на рассвете. Они вышли под дождь. Ветер с моря рвал плащи, пытаясь отбросить их назад, берег был пустынен, только чайки, кричащие в серой мути неба, да далёкий гудок парома.

Кукла лежала на плоском валуне, будто на пьедестале. **Хина-нингё**. Дорогое, антикварное лицо из фарфора, полуприкрытые глаза. Шёлковое кимоно, промокшее от брызг,

облепило миниатюрное тело, но больше всего поражало выражение лица — не безжизненное, а спящее и в уголках губ застыла тонкая, почти живая улыбка.

Рюдзи присел на корточки, не прикасаясь. Воздух вокруг куклы казался гуще, холоднее.

— Праздник девочек, — тихо сказала Наоми, стоя за его спиной. — **Хинамацури**. В этот день семьи выставляют таких кукол на специальной полке — императора, императрицу, придворных... Они должны оберегать детей, отгонять зло, но эта... она одна. Её оставили здесь, как насмешку.

— Да, — согласился Рюдзи. Его взгляд скользнул по складкам мокрого шёлка.

— Это послание. Театрально послание. — Его голос прозвучал плоско, будто он читал со сцены строки из давно написанной пьесы.

Ветер рванул с новой силой, сорвав с рукава кимоно тонкую шёлковую ленту. Рюдзи, движимый рефлексом, поймал её, холодный шёлк скользнул в пальцах, как кожа мертвеца. И тут его большой палец наткнулся на шероховатость, на узелки вышивки. Он разжал ладонь, ветер рванул ленту, развернув её, и он увидел. Не просто узор, а тот самый цветок, вышитый на внутренней стороне рукава, в потаённой складке, будто тайное клеймо. Тот же *цветок*, что украшал ключ, подброшенный ему накануне. Ледяной шквал пронзил его всего, от висков до пяток. Это не было совпадением, это была подпись. Один и тот же почерк.

— Кагэяма-сан? — Наоми увидела изменение в его позе.

Он не ответил, его пальцы сжали ключ в кармане плаща так, что металл впился в ладонь. «Выполоть с корнем». Слова его начальника, сказанные накануне, прозвучали в уме с новой силой. Тот человек не искал правду, он охранял установленный порядок, а Рюдзи с его ключом, куклами и большим прошлым был сорняком, который предстояло выколоть.

Игра началась. Но он только сейчас понял, что играет не в детектива, а в выживание, и против него — не призрак в дорогом пальто, а весь этот город, его молчание, его тайны.

Он поднялся, отряхивая колени. Взгляд его был твёрдым и пустым.

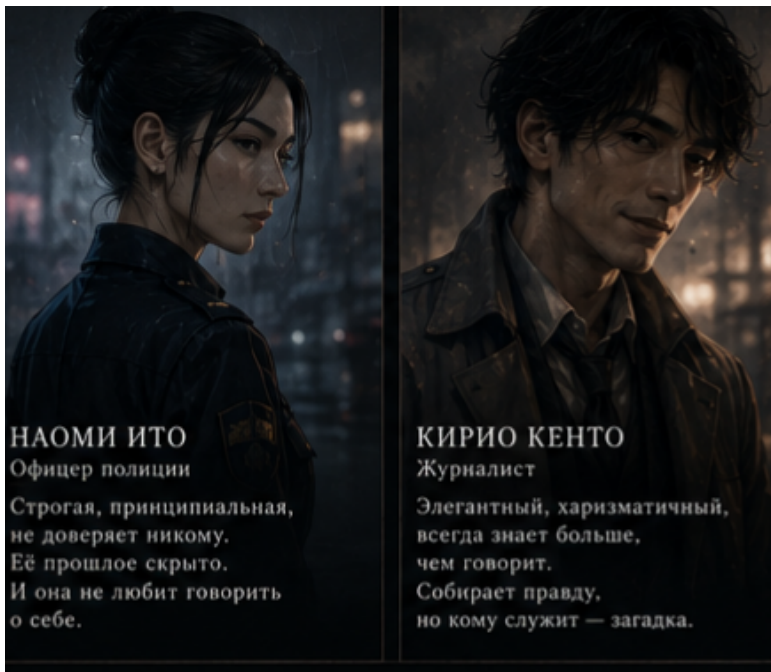
— *Забирайте её в лабораторию. Полный анализ: отпечатки, микрочастицы, ДНК - всё.*

— Но это же... почти святыня для некоторых, — неуверенно сказала Наоми.

— Это не святыня, — его голос прозвучал резко, как удар хлыста. — Это орудие преступления, и мы воспользуемся им.

Он посмотрел на хмурую линию горизонта, где море сливалось с небом. *Где-то там, в этой серой мути, скрывался ответ, и он чувствовал — чем ближе он подбирается к нему, тем сильнее сжимается петля на его собственной шее.*

Глава 5

НАОМИ ИТО

Офицер полиции

Строгая, принципиальная,
не доверяет никому.
Её прошлое скрыто.
И она не любит говорить
о себе.

КИРИО КЕНТО

Журналист

Эlegantный, харизматичный,
всегда знает больше,
чем говорит.
Собирает правду,
но кому служит — загадка.

Влажный воздух гудел от криков чаек. Море, серое и беспокойное, с силой билось о берег, выбрасывая на песок осколки раковин и клочья водорослей.

Рюдзи стоял, вглядываясь в линию горизонта, где небо сливалось с водой в сплошную муть. Пахло солью, рыбой и

чем-то ещё — тревогой, что висела над городом как тяжёлое покрывало. Рюдзи уже собирался предложить Наоми вернуться, когда заметил, как она замерла. Её взгляд был прикован к одинокой фигуре, двигавшейся по кромке прибоя.

Смотри, — тихо сказала Наоми. — *Снова здесь.* Они видели её здесь и вчера, и позавчера — местные, вздыхая, говорили, что сестра Канако приходит сюда каждый день на закате, словно стояла в немой очереди за чудом.

Женщина шла против ветра, прижимая к груди потрёпанную папку. На вид ей было лет двадцать семь, не больше. Длинные чёрные волосы развевались вокруг её бледного лица, как траурный ореол. Горе выжгло все мягкие черты, оставив острые скулы и огромные, почти чёрные глаза, и над её тонкими, сжатыми губами — крошечная, как точка, родинка. Она казалась хрупкой и несгибаемой одновременно — тростинкой, готовой пронзить любого, кто встанет на её пути.

— Кто это? — тихо спросил он. Наоми вздохнула, прежде чем ответить: — **Рейко Асано. Сестра Канако.** Она... не смирилась. Канако говорила ей, что те исчезновения связаны, но Рейко не придавала значения. А теперь...

Рейко подошла к ним, не глядя на зевак, всё ещё толпившихся вокруг зловещей находки. Её глаза, тёмные и бездонные, изучали их лица с болезненной надеждой.

— Они до сих пор пишут протоколы, — её голос звучал хрипло от слёз, которые она не позволяла себе пролить. —

Как будто бумаги вернут мне сестру.

Папка в её руках была хроникой отчаяния: копии заявлений, ответы из муниципалитета с казёнными формулировками, фотографии Канако — улыбающейся, живой. Каждый лист был испещрён яростными пометками на полях.

— Она не могла просто исчезнуть, — Рейко сжала папку так, что костяшки пальцев побелели. — Канако всегда доводила начатое до конца. Даже если все вокруг говорили «нет». В этом «нет» слышалась вся боль сестры, которая знала характер Канако лучше любого следователя.

Наоми осторожно коснулась её руки:— *Мб: сукоси отицците. (Успокойся, пожалуйста.)*

Но Рейко лишь покачала головой, и в её глазах вспыхнул огонь:— Если я остановлюсь сейчас, то никогда больше не сдвинусь с места. Они хотят, чтобы я смирилась. Ждала. Молчала.

Рюдзи наблюдал за ней, и в груди ёкнуло что-то знакомое, горькое и острое, как обломок стекла. В её глазах горела та же ярость, что он годами держал взаперти, только она вынесла свою на этот проклятый берег.

— Возможно, я смогу помочь, — сказал он тихо.

Рейко повернулась к нему. Её взгляд был острым, пронизывающим:— Кто вы?

— Судебный эксперт. Рюдзи Кагэяма.

— Значит, вы с ними? — она кивнула в сторону полицейского участка.

— *Я со здравым смыслом,* — ответил он. — И иногда они мешают друг другу.

Рынок понемногу пустел. Рыбаки уносили последние ящики, торговцы гасили фонари, вечернее солнце бросало на воду длинные багровые блики. Рейко смотрела на куклу, которую волны выбросили на берег. Хина -нингё сидела на камне, как на троне, её намокшее кимоно облепило фарфоровое тело.

— Вы думаете, это просто совпадение? — спросила она.

Рюдзи покачал головой:

— Слишком театрально для совпадения. Кто-то отправляет нам сообщение.

Наоми тихо добавила:— **Нингё...** Говорят, они могут хранить души или привлекать духов.

Рейко вздрогнула:— Вы думаете, это... её душа?

— Нет, — твёрдо сказал Рюдзи. — Я думаю, это чья-то жестокая шутка и мы должны найти того, кто её затеял.

Ветер усилился, сорвав с куклы тонкую шёлковую ленту, Рейко подняла её и сжала в ладони.

— Я найду её, — прошептала она. Голос её был тихим, но в нём не было истерики, была стальная, почти фанатичная уверенность, словно она давала клятву не сестре, а самой себе. Рюдзи вблизи разглядел ту самую родинку над её губой, казалось, всё её страдание, вся её воля сконцентрировались в этой едва заметной точке.

— Даже если мне придётся перерыть каждый камень на

этом берегу или переступить через каждого, кто встанет на моём пути.

Рюдзи кивнул. В её голосе не было истерики — только стальная решимость, которая рождается, когда отступать уже некуда, в ней он с тревогой и острой жалостью узнавал того, кем мог бы стать сам, — если бы дал своей ярости вырваться на свободу. И это зрелище было одновременно пугающим и притягательным.

Наоми молча довезла его до «Ёкканъити», не задавая лишних вопросов, её руки на руле были белыми в свете фар, она чувствовала, как холод с берега вьелся в неё, как лёд в жилы.

Её квартира была на третьем этаже старого, но крепкого дома в тихом районе. Небольшая, почти аскетичная, но когда она включила свет в прихожей, воздух встретил её не запахом одиночества, а слабым, зелёным дыханием. Вся узкая лоджия была отдана под сад. Не цветам. Растениям. Тут были мясистые суккуленты в плоских, длинные плети традесканции, несколько горшков с пряными травами — розмарин, тимьян, мята. Ничего яркого, ничего пахнущего жасмином или розами, только упрямая, простая зелень, которая цеплялась за жизнь без всяких просьб о красоте. Она не стала сразу раздеваться. Скинув туфли, она прошла на лоджию, пальцами проверила землю в каждом горшке. Полила те, что были суховаты, отщипнула пару пожелтевших листьев у традесканции. Движения её были медленными, почти ритуаль-

НЫМИ.

Здесь не было лейтенанта Ито, здесь была просто женщина, разговаривающая с растениями на языке воды и тишины.

Весь день — берег, кукла, отчаяние Рейко, тяжёлый взгляд Рюдзи — медленно отступал, растворяясь в этом зелёном, пахнущем землёй мирке. Она не выращивала это для красоты, она выращивала это для тишины, чтобы хоть что-то в её жизни подчинялось простым, честным законам: дашь воду — будет расти. Не дашь — засохнет.

Никаких тайн, никаких ритуалов, никаких кукол на берегу.

Она присела на низкую табуретку, обхватив колени, и просто смотрела: на тёмную зелень за стеклом, за которым бушевала ночь и море. Её собственное отражение в стекле было бледным и уставшим. «Рейко готова переступить через всех, — подумала она, и в горле встал ком. — *А я... а я просто сижу тут и поливаю розмарин, и от этого мне стыдно...*».

Она глубоко вдохнула, и в лёгкие ворвался чистый, острый запах мяты. Запах жизни, которая не спрашивает разрешения, и в этот момент она поняла свою тихую, неприметную миссию: пока в её доме пахнет мятой и землёй, тот, кто это делал, не победил. Пока она может заботиться о чём-то живом и простом, она не станет Рейко, не станет Рюдзи. Она не будет переступать через людей, она будет просто растить свой сад и охранять его. **От всего.**

Глава 6

В пять утра Рюдзи уже стоял под дверью дома Канако Асано.

Он не звонил Рейко, не спрашивал разрешения, он просто пришёл — потому что другого выхода у него не было, либо он начнёт ломать правила, либо правила сломают его. Рейко уже ждала его около входа.

Дверь в дом Канако отворилась с тихим вздохом, впустив его в застывшее время. Воздух был густым и неподвижным,

словно само пространство боялось вспугнуть тишину, оставшуюся после неё. Рейко замерла на пороге, её пальцы сжали ключ так, что костяшки побелели.

— Кажется, стоит мне переступить порог, и это станет окончательным, — прошептала она. — *признанием, что её нет.*

Рюдзи вошёл первым, а затем двинулся по коридору, его взгляд сканировал каждую деталь.

Спальня.

На полу у туалетного столика лежал разбитый фарфоровый лепесток от дорогой китайской хризантемы — часть статуэтки, которую Канако обожала. Но что-то было не так. Осколки лежали не в центре комнаты, где их можно было бы смахнуть неловким движением руки, они были аккуратно сдвинуты к плинтусу, будто их подмели, но забыли убрать. Все, кроме одного, **единственный осколок**, самый крупный, с частью росписи, валялся в нетипичном месте — под кроватью, почти невидимый, будто его не уронили, а... подбросили.

Рюдзи наклонился, он не притронулся к основной куче, а поднял только тот, одинокий осколок. Он был холодным и острым, он был уликой. Не случайным мусором, а сообщением, возможно, последним, что Канако успела оставить, прежде чем её забрали — знаком борьбы, опрокинутой в спешке мебели или, что страшнее, знаком, оставленным им — насмешливой визитной карточкой убийцы.

Он сжал фарфор в кулаке, чувствуя, как его края впиваются в кожу, он замер, его сознание, привыкшее к холодным, точным отчетам, выдало не образ, а готовый протокол, словно он читал его много раз, словно он сам его когда-то составлял:

*Она заканчивала упаковывать чемодан. Всего три дня. **Всего 72 часа** — и её жизнь станет другой. Пахло жасмином, мятой и надеждой, такой же реальной, как билеты в Токио на столе.*

И вдруг — тишина сгустилась, стала вязкой, как кровь.

*Она обернулась. Он уже стоял в дверях. Не вошёл — **ПРОСТО БЫЛ.***

*Высокий, в коричневом пальто, с лицом человека, пришедшего на опись имущества, его взгляд упал на билеты, и она **УВИДЕЛА** в его глазах не злость, а... досаду, как будто он обнаружил брак на конвейере.*

«Жаль», — произнёс он первым. Всего одно слово, и она поняла: приговор уже вынесен, обжалованию не подлежит.

Он двинулся к ней, не как хищник — как техник, устраняющий неисправность. Она отпрянула, спина ударилась о полку, рука нащупала фарфоровую хризантему — подарок сестры.

«На счастье».

***ЛОЖЬ.** Она не стала бросать её, она **РАЗБИЛА** статуэтку о торец полки и зажала в кулаке самый острый осколок, её собственная кровь тут же залила пальцы, горячая*

и липкая.

«Не подходи!» — хрип вырвался из пересохшего горла. Он остановился. Вздыхнул. Снял перчатку. Длинные пальцы. Кольцо с чёрным ониксом.

«Ты боишься меня?» — спросил он с искренним любопытством, глядя на её окровавленную руку.

И тогда она поняла главное. Он не монстр, он ОБОЛОЧКА. Пустота в форме человека. Она плюнула ему в лицо, слюна с кровью попала на щеку. Он не моргнул. Медленно вытерся. Снова надел перчатку.

«Достаточно», — сказал он безразлично.

Его удар был молниеносным, не в лицо — в солнечное сплетение, воздух вырвался из лёгких со свистом. Она рухнула на колени, давясь, собственным дыханием. Он наклонился над ней, его пальцы вцепились в её волосы, запрокинув голову. В глазах помутнело. Последнее, что она увидела — свои билеты в Токио. Он поднял их, аккуратно сложил и... положил в карман.

«Не понадобятся», — произнёс он ей прямо в ухо и его голос звучал как последний гвоздь в крышку её гроба.

*Потом — укол в шею. Ледяная волна. **Тьма.***

Боль проясняла сознание, он повернулся и пошел к порогу, где его ждала Рейко. Он зашёл дальше, в гостиную. Его внимание привлекла книга на прикроватном столике.

Не роман. Учебник по экономике. Он открыл книгу, среди аккуратных, бисерных пометок на полях его взгляд вы-

хватил знакомый узор, стилизованный цветок, нарисованный в задумчивости. Она училась, — промелькнуло у него в голове. Тайно. Упорно.

— Она всегда мечтала об образовании, — тихо сказала Рейко, глядя на книгу, её голос дрогнул от горькой нежности. — Но нужно было содержать магазин... Она копила понемногу, даже от меня это скрывала. — Слеза скатилась по её щеке.

— Почему она мне не доверяла? Рюдзи не ответил, он подошёл к старому комод и именно тогда он почувствовал его.

Сначала — лишь намёк, едва уловимый шлейф, застрявший в складках портьер, потом — чуть отчетливее, у открытой дверцы платяного шкафа.

Тонкий, почти неуловимый аромат, нежный жасмин, переплетённый с прохладной, освежающей мятой. Он замер, позволив аромату окутать себя, этот запах был лёгким, как прикосновение, и на удивление стойким, он не был парфюмом, это был её запах. Аромат шампуня, лосьона для тела — что-то личное, интимное, что пережило её саму. Он висел в воздухе, как призрак, упрямо напоминая о жизни, которая была здесь так недавно. Рюдзи медленно повернулся к Рейко.

— Это её парфюм? — спросил он, и его собственный голос показался ему неожиданно тихим.

Рейко прикрыла глаза, вдыхая, и кивнула, не в силах вымолвить слово. По её лицу струились беззвучные слёзы, этот аромат был для неё болезненным и сладостным одновремен-

но — самым ярким напоминанием о сестре, которое только можно было представить. Он вышел из дома, унося с собой не только осколок фар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.